

УДК 94(47+57)"1914/1922"-054.73:930.1(091)

РОССИЙСКОЕ БЕЖЕНСТВО 1914–1922 ГОДОВ В КОНТЕКСТАХ НОВЕЙШИХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИЙ¹

Н.В. Суржикова, Н.А. Михалев, С.А. Пьянков

Сектор локальной истории и истории повседневности Института истории и археологии УрО РАН, 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
snvplus@mail.ru

Интерпретируются промежуточные итоги специального изучения проблемы российского беженства 1914–1922 гг. Указывая на специфику отечественной и зарубежной традиций исследования ретроспективной тематики, авторы показывают, что их различие обусловлено прежде всего различием теоретико-методологических подходов и культур. Это в свою очередь обусловило тематизацию беженства в рамках различных контекстов, начиная с самых узких и заканчивая самыми широкими.

Ключевые слова: Первая мировая война, беженцы, беженство, отечественная и зарубежная историография, контекстуализация, деконтекстуализация, концептуализация.

Изучение проблемы российского беженства 1914–1922 гг. – причем именно беженства, а не беженцев — долгие годы оставалось проектом. Не будет преувеличением сказать, что его реализация началась совсем недавно, когда Первая мировая война вышла, наконец, из тени событий 1917 г. и превратилась в автономную область исследования. На интернациональном уровне сразу было признано, что забытая на долгие годы Великая европейская война своей «великостью» обязана не только беспрецедентной географии военных действий, но и масштабным перемещениям гражданского населения. Наиболее значительными их суммарные показатели оказались в Российской империи, где к июлю 1917 г. насчитывалось порядка 7,4 млн беженцев [Волков, 1930, с. 72, 75]. В условиях, когда 5 % населения страны оставило «насиженные места», проблема беженцев ожидаемо переросла в проблему беженства, не только коснувшись собственно мигрантов, но и став проверкой на прочность самых разных государственных и общественных институтов и практик общенационального, регионального и локального значения. Иначе говоря, превратившись в историю бесконечно многогеройную, история беженства обнаружила как освященные законом, так и ничем и никем не легитимированные пределы мобильности, подвижности атрибутивно значимых для российского социума образований и структур, объединений и групп, а также возможные перспективы их количественных и качественных изменений. В этой связи любые изыскания, связанные с историзацией беженства, следует рассматривать в более широком контексте, что и составляет задачу настоящей статьи.

«Узкоспециальный» научный интерес к беженству возник в России и за ее пределами практически одновременно и в самом общем виде может быть датирован 1990-ми гг., когда на суд широкой общественности были представлены серии работ П. Гетрелла и А.Н. Курцева [Гетрелл, 1999, с. 112–128; Gatrell, 1999; Gatrell, 1997, р. 554–564; Курцев, 1997, с. 70–98; Курцев, 1998, с. 80–88; Курцев, 1999, с. 98–113]. Однако своими «возрастными» характеристиками близость отечественной и зарубежной традиций изучения беженцев и беженства, пожалуй, и исчерпывается. Что же касается их очевидных различий, то они лежат прежде всего в плоскости теоретико-методологических «пристрастий» современных российских и нероссийских авторов.

Пренебрегая всяческими сложными конструктами и неудобопонятными терминологическими изысками, можно сказать, что история российских беженцев на их родине воспроизводится главным образом в русле внешней по отношению к собственно беженцам истории, написанной как бы «снаружи» и «сверху». В эпицентр исследования тем самым помещаются организации и лица, имевшие прямое или косвенное отношение к делу управления и помощи беженцам, тогда как сами мигранты в виде некой имперсональной группы отходят на второй план. Другим интегрирующим фактором для отечественных вариатив исторического описания российского беженства является «провинциализация» научного поиска, обнаруживающаяся в очевидном доминировании среди специальных

исследований темы регионально ориентированных работ. Их тексты при этом зримо стабилизировались в рамках практически «универсального нарратива», не претендуя на сколько-нибудь ошутимое сюжетное разнообразие. Однако секвестрированная таким образом российская историография беженства, трактуемого не иначе как через призму событийной (читай: политической) истории, исключительно едких замечаний явно не заслуживает. По контенту рассматриваемых проблем она распадается на ряд весьма содержательных историй и подисторий беженства, за иерархией которых скрывается любопытная иерархия его альтернативных контекстуализаций.

Одним из приоритетных направлений исследования российского беженства 1914–1922 гг. остается его географо-переселенческая составляющая [Горелов, 2002, с. 66–73; Корниенко, 2001, с. 10–15; Леусян, 2001, с. 220–225; Нам, 2003, с. 276–279; Щеров, 2000; и мн. др.]. При этом как проблема миграционная беженство не просто встраивается в контекст сопутствующих ему аналогов, но рассматривается как явление, само по себе предполагающее различные контексты. Обобщая материалы общероссийского уровня, курский историк А.Н. Курцев, одним из первых обратившийся к ретроспективной проблематике, анализирует не только количественные параметры беженского потока, но и его композицию [Курцев, 2008, с. 82–92].

Итогом рассмотрения беженства в рамках предложенной А.Н. Курцевым логики стал ряд альтернативных периодизаций перемещений гражданского населения в России в 1914–1922 гг., что в свою очередь привело к формированию альтернативных же трактовок структуры беженских масс и их веса в общем потоке мигрантов. Так, В.В. Хасин, подразделив миграции на естественные и искусственные, выделил четыре различные формы их: стихийные, беженство, депортации и переезд по разрешению. По мысли автора, для естественного типа миграций были характерны главным образом стихийные «исходы» жителей с мест постоянного проживания, для искусственного типа — депортации, в то время как беженство и переезд по разрешению объединяли признаки обоих типов перемещений. Собственно беженское движение включало массовое перемещение мигрантов (июль - декабрь 1915 г.), их глубокое погружение в новую среду (конец 1915 - конец 1916 г.) и, наконец, нарастающую стихийную миграцию (с конца 1916 г.). Детализируя представления о беженстве, его первый этап автор описывает в эпитетах «механического передвижения», предполагающего физическое перемещение жителей одних губерний в другие, второй этап, связанный с деформацией местного социально-экономического и демографического ландшафта, характеризует как «инерционную стадию», третий, явившийся следствием отторжения пришлого населения, — как «механическое перемещение» [Хасин, 1999, с. 154]. Однако настоящая попытка структурировать беженство, одновременно оперируя «разнокоренными» понятиями массовости, стихийности, погруженности и т.д., не позволяет обнаружить прозрачные критерии определения его механики и, соответственно, едва ли может считаться успешной.

Прочие варианты включения беженства в классификации миграций военного времени строятся схожими «болезнями». А.С. Щетинина, к примеру, разделила вынужденные миграции Первой мировой войны в России на две группы: 1) миграции, обусловленные государственным принуждением, к каковым относятся принудительные (под угрозой применения силы), насильственные (при непосредственном применении силы) и добровольно-вынужденные (административное принуждение без силовых действий); 2) миграции, обусловленные неблагоприятными условиями, включающие индивидуальные, самодеятельные (без участия государства) и организованные (при помощи государства) [Щетинина, 2007]. Очевидно, что такой подход к проблеме перемещений гражданского населения минимизирует их связь с конкретно-историческими реалиями Первой мировой войны, будучи практически универсальной рамкой для описания вынужденных миграций вообще, и потому оставляет слишком мало места для изучения беженства как социального действия и противодействия самых разных исторических акторов.

Более «аутентичную» модель недобровольных миграций россиян предложила А.С. Кузьменко, различая в порожденных Первой мировой войной людских потоках такие составляющие, как беженство, вынужденная миграция и депортация [Кузьменко, 2010]. Критерии такого подразделения следует искать в источниках того времени и прежде всего в законе от 30 августа 1915 г., согласно которому беженцами признавались «лица, оставившие местности, угрожаемые неприятелем или им уже занятые, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей, а также выходцы из враждебных России государств» [Курцев, 1999, с. 106]. Проблема, правда, состоит в том, что отмеченные в указанном документе импульсы перемещения населения с трудом вы-

страиваются в систему рядоположенных «вещей», требуя дополнительных пояснений. Следует ли удивляться, что, говоря о беженстве, А.С. Кузьменко вынуждена подчеркивать, что как особый вид недобровольной миграции оно предполагало наиболее «добровольное» решение о переселении, принимавшееся «под давлением приближения театра военных действий к населенным пунктам, когда мирные жители самовольно покидали территорию». В конце концов исследователь вообще приходит к заключению, что «провести четкую линию, отграничивающую вынужденного переселенца от беженца, не представляется возможным – учет, который велся в те годы, не включал в себя необходимой информации», а потому «численность и вес каждой из двух частей миграционного потока в отдельности друг от друга подсчитать ... нельзя», равно как и составить «полную количественную характеристику депортационной части потока» [Кузьменко, 2010, с. 75, 77, 147].

Очевидно, таким образом, что попытки так или иначе категоризировать беженство, полагаясь прежде всего на его географо-переселенческие «параметры», постоянно обнаруживают свою ограниченность, грозящую схематизацией и упрощенчеством изучаемых процессов и явлений. Кроме того, авторы исследований такого порядка, абсолютизируя беженство как явление миграционное, явно избегают темы влияния беженских потоков на социально-демографическую динамику регионов выбытия и прибытия, причем не только в краткосрочной, но и в среднесрочной перспективе. «Регионализируя» беженство и сосредоточиваясь на «количественных» характеристиках его частей, отечественные исследователи не касаются и явственно обозначившейся при этом проблемы его воздействия на представления «пришельцев» и «аборигенов» о пространстве и территории². Впрочем, это лишь подтверждает тот факт, что новации теоретико-методического плана, в частности, перспективы «пространственного поворота», остаются для большинства отечественных исследователей – и не только исследователей беженства – *terra incognita*³.

Другое измерение российского беженства 1914–1922 гг., безусловно, связанное с первым, в самом общем виде может быть обозначено как измерение этническое [Арутюнян, 1989; Златина, 2010; Утгоф, 2003; Апушкина, Кривчикова, 2003; Нелипович, 1997, с. 42–49; Шалда, 2002, с. 60–84; и др.]. Оно актуализировалось в общем для отечественной исторической науки процессе «академизации» этничности, запущенном в начале 1990-х гг. и проявившемся в значительном увеличении числа этноориентированных научных форумов, кандидатских и докторских диссертаций, сборников статей и специальных исследований. Вместе с тем «национализация» беженства вполне исторична и сама по себе. Действительно, проводимая в отношении перемещенных гражданских лиц политика, обнаруживая в своих проявлениях этнонациональные асимметрии, беспроblemно вписывалась в осуществлявшийся правительством в годы войны курс на «мобилизацию этничности»⁴, который, в свою очередь, базировался на выработанной еще в довоенный период концепции «дружественных» и «враждебных» национальностей [Кадио, 2010; Миллер, 2008; Могильнер, 2008; Холквист, 2011, с. 139–179; Sanborn, 2003; и др.].

Неравнозначное отношение властей к армянам, белорусам, евреям, латышам, немцам, полякам и другим этническим группам беженцев серьезно осложняет проблему интеграции беженства под общей «вывеской», поскольку в иерархии «надежных» и «подозрительных» национальностей они занимали разные места. В самом ее низу, как известно, находились евреи и немцы, подозревавшиеся в политической нелояльности и «шпионстве» и в этой связи ставшие жертвами откровенно дискриминационной политики [Гольдин, 2005, с. 29–47; Иоффе, 2001, с. 85–97; Пивоварчик, 2005, с. 71–84; и др.]. Остается только пожалеть, что, «этнизируя» беженство, отечественные исследователи, за редким исключением, избегают участия в международной дискуссии о национальной политике в познеимперской и Советской России, серьезно сужая контекстуальную рамку своих изысканий и тем самым минимизируя свой вклад в концептуализацию беженства.

На этом фоне выгодно отличается, пожалуй, только работа В.С. Утгоф, в которой показано, что помещение беженцев в иноэтничную среду стало мощным фактором осознания собственного отличия, основным признаком которого являлся родной язык. «Несмотря на общую пассивность, белорусские беженцы осознали себя как отдельную национальную группу, которая в условиях войны не только совместно преодолевала экономические трудности, но и предприняла ряд решительных шагов в развитии белорусского либерального движения», – отмечает автор, предлагая тем самым рассматривать беженцев исходя не только из традиционной виктимологической перспективы, но и как социоэтническую группу, способную к самоорганизации и консолидации [Утгоф, 2003, с. 167, 173].

Следующий контекст, в который «вписано» российское беженство 1914–1922 гг., связан с историей отечественной благотворительности, за пару последних десятилетий пережившей настоящий исследовательский бум. При этом трудно не заметить, что при повышенном интересе к развитию российской благотворительности конца XIX – начала XX в. военная благотворительность как финальный аккорд в развитии дореволюционной отечественной благотворительности постепенно обособляется в самостоятельную сферу изучения [Власова, 2004; Горбунова, 2003; Федулова, 2006; Бочанова, Горюшкин, Ноздрин, 2000; Ульянова, 2005; Хитров, 2004; Асташов, 1992, с. 169–172; Благотворительные организации..., 2001; Поршнева, 2011, с. 312–345; Грицаева, 2008; Немова, 2009; Полуаршинов, 2005; и др.]. Больше того, реконструируя реалии военного времени, современные специалисты не мыслят его полновесной картины без сюжетов, так или иначе связанных с призранием жертв войны [Белова, 2007; Голидов, 2010; Рязанский, 2006; Суханова, 2012; и др.]. Резюмирующей всех этих изысканий можно считать заключение о том, что по сравнению с мирным временем благотворительность военных лет, получив самый широкий размах, стала едва ли не главным инструментом, с помощью которого государство пыталось «залатать» образовавшиеся в ткани социально-экономических отношений бреши или как минимум уменьшить остроту порожденных войной социально-экономических противоречий.

Однако, встраивая помощь беженцам в модель российской благотворительности, современные исследователи не склонны позиционировать беженство как особую гуманитарную проблему, предполагавшую решение комплекса неведомых доселе задач (обеспечение мигрантов не только продовольствием и предметами первой необходимости, но и жильем, медицинской помощью, работой и т.д.). Иначе говоря, российскими историками беженцы рассматриваются не более чем одна из многих и ничем не выдающихся составляющих в «номенклатуре» пострадавших от военных действий. Неосознание данной проблемы в качестве одной из ключевых в истории России периода Первой мировой войны существенно осложняет задачу определения места беженцев в иерархии жертв войны, которая, несомненно, присутствовала в государственной политике и общественном сознании, а в современном исследовательском нарративе нашли не более чем интуитивное отражение. В полной мере это относится и к выявлению специфических форм помощи беженцам, которые, безусловно, были и потребовали от российской благотворительности тех или иных инфраструктурных и логистических трансформаций [Еремин, 2003, с. 272–276; Златина, 2009, с. 30–36; Тоценко, 2003, с. 44–48; и др.].

Исследование беженства как ресурса для всевозможных гуманитарных инициатив, соприкасается с работами, которые с некоторой долей условности могут быть отнесены к тем, где представлены управленческо-институциональные трактовки проблемы беженства. Блокируясь в соответствии с хронологическим принципом вокруг дореволюционного или советского опыта управления перемещениями населения, указанные трактовки основываются на изучении деятельности государственных (Особого совещания по устройству беженцев, Центральной коллегии по делам пленных и беженцев и ее преемников), полугосударственных (Татьянинского комитета) и самостоятельных структур (всероссийского Земского и Городского союза, национальных комитетов и т.д.). При этом наглядно показывается, что вплоть до октября 1917 г. в управление беженцами и, соответственно, в конструирование беженства были вовлечены самые разные органы, объединения и учреждения, деятельность которых не носила четко скоординированного характера [Ильин, 1989; Цовян, 2005; Златина, 2008, с. 107–110; Мартынцева, 2003, с. 134–144; Матвеева, 2004; Островский, 2011, с. 74–78; Шевырин, 2000; и др.]. В результате сферы их ответственности постоянно пересекались, что создавало условия для соперничества и конфронтации. Вместе с тем, так и не создав централизованной системы управления беженским делом и перекладывая бремя каждодневных забот о перемещенных лицах на общественные организации, правительство всеми силами стремилось сохранить за собой контроль за распределением материальных и административных ресурсов, ограничивая тем самым пределы диалога между властью и социумом.

Альтернатива «своеобразной государственно-общественной организации беженского дела»⁵ была предложена большевиками, учредившими в 1918 г. Центральную коллегию по делам пленных и беженцев [Гавриленков, 2002, с. 17–37; Лахарева, 2001; Утгоф, 2002, с. 396–416; Щеров, 2000; и др.].

По мнению М.А. Засыпкина, сообразуя с мнениями большинства современных исследователей, благодаря деятельности коллегии и ее правопреемников в стране возникла «центра-

лизованная сеть государственных специализированных миграционных аппаратов со строгой иерархической подчиненностью как внутри РСФСР, так и на территории соседних Белорусской и Украинской советских республик». Степень ее централизации постоянно увеличивалась, что придавало Пленбежу статус «общефедерального органа по реализации общегосударственных планов и программ по переброске и обслуживанию всех видов людских перевозок» [Засыпкин, 2008, с. 103, 104, 195]. Однако, соглашаясь с И.П. Щеровым в том, что концентрация управления миграциями в руках одного ведомства была безусловным благом [Щеров, 2000, с. 8], отечественные эксперты оказались весьма далеки от того, чтобы устроить деятельности Пленбежа по-настоящему экспертную проверку. Так, тот же И.П. Щеров никак не увязывает структурные перестройки миграционных служб Советской России с реальными успехами или провалами в их работе, запутывая читателя в бесконечных метафорах «борьбы с упущениями» и «многочисленными трудностями» [Щеров, 2000, с. 37, 38, 43, 47 и мн. др.], а также в вязкой статистике перемещенных, перемещаемых или подлежащих перемещению людей [Щеров, 2000, с. 8, 37, 38, 43, 47 и мн. др.].

Совершенно очевидно, что, пока досоветская система контроля и помощи перемещенным лицам, основанная на полицентризме и конкуренции, и ее советский антипод, фундирующий идею централизма и монополизации политики населения государством, будут рассматриваться отдельно друг от друга, проблема управления беженцами и беженством в России 1914–1922 гг. останется неразрешенной. В этой связи жесткая контекстуализация беженства в узкохронологических, равно как и в узкотематических, рамках едва ли может претендовать на звание успешной, без корелляции различных масштабов, углов зрения и временных измерений.

Примером такой корелляции служат работы П. Гетрелла, которыми список посвященных российскому беженству 1914–1922 гг. произведений, созданных за рубежом вплоть до конца 1990-х гг., практически исчерпывался. В 2001 г. к ним примкнула объемная статья Э. Лора о судьбах беженцев-евреев, чья принудительная миграция артикулируется как крупнейшая за время Первой мировой войны и при этом безусловно преступная [Lohr, 2001, p. 404–419]. Автор доказывает, что политику «радикального насилия» по отношению к евреям, населявшим западные области империи и традиционно подозревавшимся в нелояльности к режиму, проводили прежде всего военные власти России, в то время как гражданские чиновники пытались ей сопротивляться. Выделяя в ретроспективной политике четыре фазы, Э. Лор принципиально избегает термина «беженцы», оперируя понятиями «выселенные», «депортированные» или «заложники». Вынося перемещения еврейского населения за рамки беженского контекста, историк, однако, тут же вписывает их в куда более широкий исторический контекст: «Политика армии и насилия, которое она породила, имели серьезные последствия, затрагивавшие далеко не только еврейскую общину; фактически они затронули более широкие контексты войны и революции несколькими путями. Во-первых, эта кампания подрывала военное усилие России. Она не только причинила громадный экономический вред местному хозяйству, но также препятствовала нормальной работе железных дорог и создавала условия дороговизны и хаоса во внутренних губерниях, куда отправляли евреев...» [Lohr, p. 418]. Во-вторых, продолжает Э. Лор, массовые выселения заставили режим разрубить гордиев узел ограничений, связанных с существованием на протяжении целого столетия так называемой черты оседлости, разрушение которой было в некотором роде тем историческим освобождением, которого евреи добивались поколениями. Это освобождение вскоре обнаружило свою темную сторону, проявившуюся в серии антиеврейских погромов 1918–1919 гг., которые захлестнули в первую очередь недавно принявшие еврейских беженцев губернии. В-третьих, дискриминационная политика по отношению к евреям способствовала разрыву либеральных и умеренных партий с правительством. «Либералы, которые рассматривали войну как возможность укрепить национальное единство и развить современное чувство гражданства ..., были потрясены тем, что царь и его генералы делают прямо противоположное, выделяя значительную группу российских граждан в качестве внутренних врагов», – констатирует Э. Лор, тем самым включаясь в дискуссию о специфике государственного строительства в позднеимперской России [Lohr, p. 418]. Несмотря на то что Э. Лор практически отказывает еврейским выселенцам в статусе беженцев, его исследование продолжает тему беженства в том ее ключе, который был предложен П. Гетреллом.

Возвращаясь к работам этого английского историка, среди которых центральное место занимает книга «Вся империя в движении: Беженцы в России в период Первой мировой войны» [Gatrell, 1999], следует признать, что его вклад в концептуализацию проблемы российского беженства 1914–

1922 г. получил самую высокую оценку вполне заслуженно [Hagen, 2001, p. 191–193; Sunderland, 2001, p. 947–948; Kotsonis, 2002, p. 316–317; Wade, 2001, p. 436–437; Weeks, 2000, p. 1837–1838; Keep, 2000, p. 1020–1021; Sanborn, 2001, p. 997–1000; Monas, 2001, p. 550–551; и др.]. Смешивая хронологический подход и тематический анализ, Гетрелл обращается к целому ряду вопросов: кем были беженцы, как они определяли себя, как они определялись другими, как развивался беженский кризис, какие меры принимались государством и общественными организациями по его поводу, каким образом этот кризис повлиял на перспективное развитие российского общества? При этом, погружая беженство в самые разные истории – политическую, социальную, культурную и прочие, П. Гетрелл не просто показывает его многоаспектность. «Распарывая» беженство по «швам» и актуализируя этнические, гендерные, возрастные, профессиональные и классовые различия его составляющих, автор идет еще дальше. Он подчеркивает, что из всех явлений Первой мировой войны только беженство заслуживает эпитета «необыкновенное», объясняя его «необыкновенность» не только масштабами и формами перемещений гражданского населения или «композиционностью» этого населения, но и прежде всего тем, кем и как проблематизировался его статус. По П. Гетреллу, беженство – это во многом искусственный конструкт, создававшийся и поддерживавшийся целым рядом исторических акторов: с одной стороны, самими беженцами в целях получения доступа к материальной помощи, с другой – небегенцами, тем самым дистанцировавшимися от чужаков, воспринимавшихся как угроза стабильному и привычному укладу жизни, а с третьей – учреждениями, организациями и ведомствами, для которых беженство стало вопросом борьбы за ресурсы, как материальные, так и административные. Очевидно, поэтому беженство имело мало общего с любыми другими миграциями и «сотрясло» российскую действительность до самых ее оснований.

Беженство, в частности, создало беспрецедентное пространство для «игры» конкурирующих версий социального контроля – версий, предложенных аппаратом полицейского государства, и методов профессиональных специалистов, занятых в общественных организациях. При этом неспособность государства, уповавшего на традиционные властные стратегии, справиться с проблемой беженства позволила общественным организациям изобрести собственные стратегии влияния и «механизмы дисциплинарного насилия», что, скорее, способствовало крушению существующих иерархий и увеличению риска социального распада, чем поддержке социального благополучия.

Кроме того, беженство разнообразило массовую политику и процессы демократизации, запущенные русской революцией 1905–1907 гг. Возвращаясь к создававшемуся самыми разными силами нарративу беженства, П. Гетрелл подчеркивает, что этот нарратив не исключал относительно автономных поднарративов, конструирувавшихся в первую очередь на основе этнокультурных различий беженцев. Иначе говоря, в рамках общенационального проекта беженства возникали и развивались в том числе его национальные подпроекты. Беженство легитимировало и трансформировало возможности для национальной агитации со стороны возрождавшейся патриотической интеллигенции, среди которой были многие лидеры независимых государств, возникших на обломках империи после 1917–1918 гг. Именно беженство обучило этих людей искусству управления, а также приучило некоторых беженцев думать «по-национальному», что для патриархальной империи было едва ли не главным шагом на пути к модерности.

Однако, констатирует П. Гетрелл, даже в рамках национальных подпроектов, не говоря уже о проекте общенациональном, поиск типического беженца бесполезен. Часть беженцев легко отказывались от своего статуса и, решив обосноваться в «отдаленных углах» Европейской России и Сибири, отрывались от национальных беженских общин. Помимо того, этничность не была единственным и тем более неизменным атрибутом идентичности беженцев. Она, к примеру, могла быть отвергнута «притязаниями классового сознания», которые явственно проявились в 1917 г. Заостря внимание на проблеме альтернативности идентификационных кодов, а значит и практик, «деколлективизировавших» беженцев, П. Гетрелл тем самым показывает, что, вопреки дискурсивно доминировавшему образу усталого, больного изгнанника, образ беженца может и должен быть представлен на языке и в символах активного гражданина, а не только пассивной, молчаливой жертвы.

Перевод беженцев из категории беспомощных, феминизированных и этнизированных объектов в категорию деятельных исторических акторов, по мнению Я. Кацониса, и объясняет оригинальность работы П. Гетрелла [Kotsonis, 2002, p. 316–317]. Действительно, вытаскивая беженцев и беженство за пределы «страдальческого дискурса», П. Гетрелл принципиально меняет концептуальную рамку исследования беженской проблемы. Не предлагая единой, монолитной аргумента-

ции, а делая скорее ряд заключений и выводов, исследователь оказывается достаточно убедителен в том, что само существование беженцев являлось вызовом бытовавшим в России представлениям о нормальности. Беженцы, по тонкому замечанию П. Гетрелла, «высмеяли современность не меньше, чем они осмеяли социальные традиции царской России» [Gatrell, 1999, p. 199]. Быстрое конструирование новой социальной категории, не вписывавшейся в систему имевшихся в России того времени таксономий социального описания, не только символизировало несостоятельность этих описаний, но и предвещало кардинальные перемены в стране. Подрывая такие более современные развивающейся капиталистической экономике разновидности групповой принадлежности, как класс и профессия, беженцы, «беженскость» и беженство подвергли испытанию, казалось бы, незыблемые социальные устои и предвосхитили «перевернутое общество» времен Гражданской войны [Gatrell, 1999, p. 198.]. Это, очевидно, и является главной причиной невозможности исключить беженцев из «современной» истории и служит приглашением к реконцептуализации самой «современности», значительно более сложной, чем это представляется российским исследователям беженства в частности и недавнего прошлого России в целом.

Подводя черту под всем сказанным, следует признать, что асимметричность трактовок беженства в России и за ее пределами вполне согласуется с общей асимметричностью развития отечественного и зарубежного историописания. В то время как западные специалисты тестируют на российском материале те или иные методологические инновации⁶, отечественные исследователи при «экстремальном» эмпиризме их изысканий заставляют древо российского прошлого ветвиться снова и снова, обнаруживая его способность к практически бесконечному росту. Очевидно, однако, что возможность этого древа плодоносить напрямую зависит от того, насколько и как скоро сократится дистанция, возникающая между теоретическими построениями отечественных и западных историков. Ее преодоление позволит выявить и исследовать те контексты беженской проблемы, в рамках которых сам термин «беженство» зазвучит по-новому, что в свою очередь позволит оградить представления об этом явлении от односторонних оценок и поверхностных генерализаций.

Примечания

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00151а.

² См. об этом, например: [Baron, 2007, p. 374–400; Rolf, 2010, p. 359–380; и др.].

³ Исключение из этого правила см.: [Нарский, 2007, с. 281–289].

⁴ Термин М. фон Хагена. См.: [Hagen, 1998, p. 34–57].

⁵ Характеристика А.С. Тумановой. См.: [Туманова, 2012, с. 217].

⁶ См. об этом, например: [Rolf, 2010, p. 359].

Библиографический список

- Апушкина О.Б., Кривчикова Л.Г. Польские беженцы на территории Рязанской губернии в начале XX в. // Матер. и исслед. по рязанскому краеведению: сб. науч. работ. Рязань, 2003. Т. 4.
- Арутюнян А.А. Первая мировая война и армянские беженцы (1914–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1989.
- Асташов А.Б. Союзы земств и городов и помощь раненым в Первую мировую войну // Отеч. история. 1992. № 6.
- Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция: 1914 – февраль 1917 гг.: по материалам Калужской и Орловской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Калуга, 2007.
- Благотворительные организации Калужской губернии в годы Первой мировой войны. Калуга, 2001.
- Бочанова Г.А., Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 2000.
- Власова А.В. Благотворительность на Урале во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004.
- Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930.
- Гавриленков А.Ф. Рославльский уездный Пленбеж (1918–1922 гг.) // Край Смоленский: Знания. Доброта. Культура. Смоленск, 2002.
- Гетрелл П. Беженцы и проблемы пола в России во время Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война: матер. междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999.

- Голдидов А.Ю.* Общественно-политическая жизнь российской провинции в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Шуя, 2010.
- Гольдин С.* Русское командование и евреи во время Первой мировой войны: причины формирования негативного стереотипа // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005.
- Горбунова И.А.* Становление общественного призрения на Дальнем Востоке России: 1884 — февраль 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2003.
- Горелов Ю.П.* Прием беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Сибирь: XX век: межвуз. сб. науч. трудов. Кемерово, 2002. Вып. 4.
- Грицаева А.Н.* Благотворительность в России в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
- Еремин И.А.* Прием и размещение беженцев в Томской губернии в годы Первой мировой войны // Ист. опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: IV науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: сб. науч. трудов. Барнаул, 2003.
- Засыпкин М.А.* Организационно-правовые основы деятельности НКВД РСФСР по решению проблемы беженцев: 1918–1923 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
- Златина М.А.* Организация помощи еврейским беженцам в Российской империи в первые месяцы Первой мировой войны по материалам прессы (июль – октябрь 1914 года) // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. СПб., 2009. № 118.
- Златина М.А.* Основание Еврейского комитета помощи пострадавшим от войны и погромов (июль – сентябрь 1914г.) // Герценовские чтения–2007: сб. науч. статей. СПб., 2008.
- Златина М.А.* Проблема еврейского беженства в России в период Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.
- Ильин А.В.* Особые совещания Российской империи: их место и роль в государственном механизме (1915–1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1989.
- Иоффе Г.З.* Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 г. // Вопр. истории. 2001. № 9.
- Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940. М., 2010.
- Корниенко Т.А.* Проблема беженцев на Северном Кавказе в годы Первой мировой войны // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Ставрополь, 2001.
- Кузьменко А.С.* Недобровольные мигранты в Восточной Сибири в 1914 – феврале 1917 гг. (по материалам Енисейской и Иркутской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2010.
- Курцев А.Н.* Беженцы первой мировой войны в Курской губернии. 1914–1917 гг. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Курск, 1997. Вып. 1.
- Курцев А.Н.* Беженцы первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопр. истории. 1999. № 8.
- Курцев А.Н.* Беженцы Первой мировой войны на территории Центрального Черноземья в 1914–1917 гг. // Проблемы ист. демографии и ист. географии Центрального Черноземья и Запада России. Липецк, 1998.
- Курцев А.Н.* Историческая социомобильность и многообразие миграций населения Центрального Черноземья в 1861–1917 гг. // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: История России. 2008. № 3(13).
- Лахарева Н.В.* Реэвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925 гг.). Курск, 2001.
- Леусян О.А.* Беженцы первой мировой и гражданской войн в Екатеринодаре (1918–1920 гг.) // Третьи кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2001.
- Мартынцова Н.В.* Земская помощь беженцам из Западных губерний в годы Первой мировой войны (по материалам западных уездов Орловской губернии) // Проблемы славяноведения: сб. науч. статей и матер. Брянск, 2003. Вып. 5.
- Матвеева Н.Л.* Благотворительная деятельность именных комитетов императорской семьи в годы первой мировой войны. М., 2004.
- Миллер А.* Империя Романовых и национализм. М., 2008.
- Могильнер М.* Ното imregii. История физической антропологии в России. М., 2008.
- Нам И.В.* Численность и национальный состав беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Ист. опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: IV науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: сб. науч. трудов. Барнаул, 2003. Кн. 2.

- Нарский И.В.* Революция и реорганизация пространства (на примере Урала 1917–1922 гг.) // Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития. М., 2007. Т. 14.
- Нелипович С.Г.* Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить, и без нежностей...» // Воен.-ист. журн. 1997. № 1.
- Немова В.В.* Организация благотворительной помощи на Дону в годы первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2009.
- Островский Л.К.* Деятельность польских общественных организаций Томской губернии по оказанию помощи беженцам Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10. № 1.
- Пивоварчик С.* Трагедия Первой мировой войны: «евреи-шпионы» (по материалам Национального исторического архива Беларуси в Гродно) // Мировой кризис 1914–1920 гг. и судьба восточно-европейского еврейства. М., 2005.
- Полуаршинов А.В.* Помощь общественных организаций и населения Западной Сибири фронту и пострадавшим от войны: июль 1914 – февраль 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005.
- Поршнева О.С.* Обеспечение общественных интересов на локальном уровне: Урал в годы Первой мировой войны // Формирование сферы гражданской деятельности на Урале второй половины XIX – начала XX в.: соц. аспект. Екатеринбург, 2011.
- Рязанский И.В.* Тыловая российская провинция в условиях Первой Мировой войны: Южный Урал в июле 1914 – феврале 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006.
- Суханова О.Н.* Калужское земство в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2012.
- Тоценко Л.Т.* Социальная помощь беженцам в Области войска Донского в годы Первой мировой войны // Изв. высших учеб. заведений. Северо-Кавказский регион. Обществ. науки. 2003. № 2.
- Туманова А.С.* Гражданское общество и его адаптивные возможности в кризисных условиях // Матер. XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. М., 2012. Т. 2.
- Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX в. М., 2005.
- Утгоф В.С.* Резэвакуация белорусских беженцев Первой мировой войны (начальный этап): структуры, формы, организация // Источник. Историк. История: сб. науч. работ. СПб., 2002.
- Утгоф В.С.* Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
- Федулова А.В.* Общественное призрение и благотворительность в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2006.
- Хасин В.В.* Миграционные процессы в Российской империи в Первую мировую войну (по документам Нижнего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1999.
- Хитров А.А.* Дом Романовых и российская благотворительность. Вторая половина XIX – начало XX в. (по материалам Санкт-Петербурга–Петрограда и Петербургской–Петроградской губернии). Калининград, 2004.
- Холквист П.* Вычислить, изъять и истребить: Статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011.
- Цовян Д.Г.* Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы первой мировой войны. 1914–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
- Шалда В.* Латышские беженцы в России и революция 1915–1921 гг. // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М., 2002.
- Шевырин В.М.* Земский и Городской союзы (1914–1917): аналит. обзор. М., 2000.
- Щеров И.П.* Миграционная политика России в 1914–1922 гг. Смоленск, 2000.
- Щеров И.П.* Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. Смоленск, 2000.
- Щетинина А.С.* Беженцы на юге Западной Сибири 1914–1923 гг.: источники и методы изучения: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007.
- Baron N.* New Spatial Histories of Twentieth Century Russia and the Soviet Union: Surveying the Landscape // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2007. № 55(3).
- Gatrell P.* Refugees in the Russian Empire, 1914–1917 // *Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921*. London; Sydney; Auckland, 1997.

- Gatrell P.* *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I.* Bloomington, Indiana, 1999.
- Hagen M. von.* *The Great War and the Mobilization of Ethnicity in the Russian Empire: Conflict and State-Building // Post-Soviet Political Order.* London, 1998.
- Hagen M. von.* Review: Peter Gatrell. *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I // Europe-Asia Studies.* 2001. Vol. 53, № 1 (Jan.).
- Keep J.* Review: Peter Gatrell. *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I // The English Historical Review.* 2000. Vol. 115, № 463 (Sept.).
- Kotsonis Y.* Review: Peter Gatrell. *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I // Russian Review.* 2002. Vol. 61, № 2 (Apr.).
- Lohr E.* *The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // Russian Review.* 2001. Vol. 60, № 3 (Jul.).
- Monas S.* Review: Peter Gatrell. *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I // The History Teacher.* 2001. Vol. 34, № 4 (Aug.).
- Rolf M.* Importing the «Spatial Turn» to Russia: Recent Studies on the Spatialization of Russian History // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* 2010. Vol. 11. (Spring).
- Sanborn J.* Review: Peter Gatrell. *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I // The Journal of Modern History.* 2001. Vol. 73, № 4 (Dec.).
- Sanborn J.* *Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925.* DeKalb, 2003.
- Sunderland W.* Review: Peter Gatrell. *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I // International Migration Review.* 2001. Vol. 35. № 3 (Aut.).
- Wade R.* Review: Peter Gatrell. *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I // Slavic Review.* 2001. Vol. 60, № 2 (Sum.).
- Weeks T.* Review: Peter Gatrell. *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I // The American Historical Review.* 2000. Vol. 105, № 5 (Dec.).

Дата поступления рукописи в редакцию 13.09.2012

RUSSIAN REFUGEEEDOM OF 1914-1922 IN THE CONTEXTS OF THE LATEST NATIVE AND FOREIGN HISTORIOGRAPHIES

Surzhikova N.V., Mikhalev N.A., P'yankov S.A.

Institute of history and archaeology of the Ural branch of the Russian academy of sciences, S. Kovalevskaya st., 16, 620990, Yekaterinburg, Russia
snvplus@mail.ru

The article interprets intermediate results of special study of Russian refugeedom of 1914–1922 which demonstrates the peculiarity of native and foreign traditions of retrospective research caused by distinctions of theoretical and methodological approaches. Refugee history is reproduced in Russian researches mainly through a channel of external history written «from outside» and «from above». The researches are focused on organizations and persons who were connected with refugee cause whereas migrants as a certain impersonal group are pushed to the background. Another integrating factor for native variations of writing Russian refugeedom history is an obvious domination of regionally oriented works which came to be well stabilized within the framework of virtually «universal narrative» without pretending to any tangible thematic diversity. Foreign historiography of Russian refugeedom is characterized by correlation of various scales, points of view and temporal dimensions within the broadest historical context. Such approaches which put refugees outside of «discourse of suffering» contribute to reconceptualization of both refugeedom and social history of «modernity» in general. The authors argue that urgent need of shortening the distance between theoretical and methodological «preferences» of Russian and Western scholars will provide an opportunity to reveal and examine those contexts of refugee problem in which the very term «refugeedom» could get a new lease of life.

Key words: the First World War, refugees, refugeedom, native and foreign historiography, contextualization, de-contextualization, conceptualization.

References

- Apushkina O.B., Krivchikova L.G.* Pol'skie bezhentsy na territorii Ryazanskoj gubernii v nachale XX veka // Mater. i issled. po ryazanskomu kraevedeniyu: sb. nauchn. rabot. Ryazan', 2003. T. 4.
- Arutyunyan A.A.* Pervaya mirovaya vojna i armyanskije bezhentsy (1914–1917 gg.): dis. ... kand. ist. nauk. Erevan, 1989.
- Astashov A.B.* Soyuzy zemstv i gorodov i pomoshch' ranenym v Pervuyu mirovuyu vojnu // Otech. istoriya. 1992. № 6.
- Belova I.B.* Pervaya mirovaya vojna i rossijskaya provintsija: 1914 - fevral' 1917 gg.: po materialam Kaluzhskoj i Orlovskoj gubernij: dis. ... kand. ist. nauk. Kaluga, 2007.
- Blagotvoritel'nye organizatsii Kaluzhskoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny. Kaluga, 2001.
- Bochanova G.A., Goryushkin L.M., Nozdrin G.A.* Ocherki istorii blagotvoritel'nosti v Sibiri vo vtoroj polovine XIX - nachale KhKh v. Novosibirsk, 2000.
- Vlasova A.V.* Blagotvoritel'nost' na Urale vo vtoroj polovine XIX - nachale KhKh v.: dis. ... kand. ist. nauk. Chelyabinsk, 2004.
- Volkov E.Z.* Dinamika narodonaseleniya SSSR za vosem'desyat let. M.; L., 1930.
- Gavrilenkov A.F.* Roslavl'skij uezdnyj Plenbezh (1918–1922 gg.) // Kraj Smolenskij: Znaniya. Dobrota. Kul'tura. Smolensk, 2002.
- Getrell P.* Bezhentsy i problemy pola v Rossii vo vremya Pervoj mirovoj vojny // Rossiya i Pervaya mirovaya vojna: Mater. mezhdunar. nauch. kollokviuma. SPb., 1999.
- Golidov A.Yu.* Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' rossijskoj provintsii v gody Pervoj mirovoj vojny: dis. ... kand. ist. nauk. Shuya, 2010.
- Gol'din S.* Russkoe komandovanie i evrei vo vremya Pervoj mirovoj vojny: prichiny formirovaniya negativnogo stereotipa // Mirovoj krizis 1914–1920 godov i sud'ba vostochnoevropskogo evrejstva. M., 2005.
- Gorbunova I.A.* Stanovlenie obshchestvennogo prizreniya na Dal'nem Vostoke Rossii: 1884 — fevral' 1917 g.: dis. ... kand. ist. nauk. Khabarovsk, 2003.
- Gorelov Yu.P.* Priem bezhentsev v Sibiri v gody Pervoj mirovoj vojny // Sibir': XX vek: mezhvuz. sb. nauch. trudov. Kemerovo, 2002. Vyp. 4.
- Gritsaeva A.N.* Blagotvoritel'nost' v Rossii v gody pervoj mirovoj vojny (1914 - fevral' 1917 g.): opyt pomoshchi postradavshim ot voennykh dejstvij: dis. ... kand. ist. nauk. M., 2008.
- Eremin I.A.* Priem i razmeshchenie bezhentsev v Tomskoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny // Ist. opyt khozyajstvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoj Sibiri: IV nauch. chteniya pamyati prof. A.P. Borodavkina: sb. nauch. trudov. Barnaul, 2003.
- Zasyupkin M.A.* Organizatsionno-pravovye osnovy deyatelnosti NKVD RSFSR po resheniyu problemy bezhentsev: 1918–1923 gg.: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2008.
- Zlatina M.A.* Organizatsiya pomoshchi evrejskim bezhentsam v Rossijskoj imperii v pervye mesyatsy Pervoj mirovoj vojny po materialam pressy (iyul' — oktyabr' 1914 goda) // Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A.I. Gertsena. SPb., 2009. № 118.
- Zlatina M.A.* Osnovanie Evrejskogo komiteta pomoshchi postradavshim ot vojny i pogromov (iyul' — sentyabr' 1914g.) // Gertsenovskie chteniya–2007: sb. nauch. statej. SPb., 2008.
- Zlatina M.A.* Problema evrejskogo bezhenstva v Rossii v period Pervoj mirovoj vojny: dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2010.
- Il'in A.V.* Osobyje soveshchaniya Rossijskoj imperii: ikh mesto i rol' v gosudarstvennom mekhanizme (1915–1917 gg.): dis. ... kand. jurid. nauk. L., 1989.
- Ioffe G.Z.* Vyselenie evreev iz prifrontovoj polosy v 1915 g. // Vopr. istorii. 2001. № 9.
- Kadio Zh.* Laboratoriya imperii: Rossiya/SSSR, 1860–1940. M., 2010.
- Kornienko T.A.* Problema bezhentsev na Severnom Kavkaze v gody Pervoj mirovoj vojny // Severnyj Kavkaz: geopolitika, istoriya, kul'tura. Stavropol', 2001.
- Kuz'menko A.S.* Nedobrovol'nye migranty v Vostochnoj Sibiri v 1914 — fevrale 1917 gg. (po materialam Enisejskoj i Irkutskoj gubernij): dis. ... kand. ist. nauk. Krasnoyarsk, 2010.
- Kurtsev A.N.* Bezhentsy pervoj mirovoj vojny v Kurskoj gubernii. 1914–1917 gg. // Kurskie tetradi. Kursk i kuryane glazami uchenykh. Kursk, 1997. Vyp. 1.
- Kurtsev A.N.* Bezhentsy pervoj mirovoj vojny v Rossii (1914–1917) // Vopr. istorii. 1999. № 8.
- Kurtsev A.N.* Bezhentsy Pervoj mirovoj vojny na territorii Tsentral'nogo Chernozem'ya v 1914–1917 gg. // Problemy ist. demografii i ist. geografii Tsentral'nogo Chernozem'ya i Zapada Rossii. Lipetsk, 1998.

- Kurtsev A.N.* Istoricheskaya sotsiomobil'nost' i mnogoobrazie migratsij naseleniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v 1861–1917 gg. // Vestn. Ros. un-ta družby narodov. Ser.: Istoriya Rossii. 2008. № 3(13).
- Lakhareva N.V.* Reevakuatsiya bezhentsev Pervoj mirovoj vojny s territorii Kurskoj gubernii (1918–1925 gg.). Kursk, 2001.
- Leusyan O.A.* Bezhentsy pervoj mirovoj i grazhdanskoj vojn v Ekaterinodare (1918–1920 gg.) // Tret'i kubanskije literaturno-istoricheskie chteniya. Krasnodar, 2001.
- Martyntseva N.V.* Zemskaya pomoshch' bezhentsam iz Zapadnykh gubernij v gody Pervoj mirovoj vojny (po materialam zapadnykh uezdov Orlovskoj gubernii) // Problemy slavyanovedeniya: sb. nauch. statej i mater. Bryansk, 2003. Vyp. 5.
- Matveeva N.L.* Blagotvoritel'naya deyatel'nost' imennykh komitetov imperatorskoj sem'i v gody pervoj mirovoj vojny. M., 2004.
- Miller A.* Imperiya Romanovykh i natsionalizm. M., 2008.
- Mogil'ner M.* Homo imperii. Istoriya fizicheskoy antropologii v Rossii. M., 2008.
- Nam I.V.* Chislennost' i natsional'nyj sostav bezhentsev v Sibiri v gody Pervoj mirovoj vojny // Ist. opyt khozyajstvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoj Sibiri: IV nauch. chteniya pamyati prof. A.P. Borodavkina: sb. nauch. trudov. Barnaul, 2003. Kn. 2.
- Narskij I.V.* Revolyutsiya i reorganizatsiya prostranstva (na primere Urala 1917–1922 gg.) // Puti Rossii: preemstvennost' i preryvistost' obshchestvennogo razvitiya. M., 2007. T. 14.
- Nelipovich S.G.* General ot infanterii N.N. Yanushkevich: «Nemetskuyu pakost' uvolit', i bez nezhnostej...» // Voенно-ist. zhurn. 1997. № 1.
- Nemova V.V.* Organizatsiya blagotvoritel'noj pomoshchi na Donu v gody pervoj mirovoj vojny: dis. ... kand. ist. nauk. Rostov-n/D, 2009.
- Ostrovskij L.K.* Deyatel'nost' pol'skikh obshchestvennykh organizatsij Tomskoj gubernii po okazaniyu pomoshchi bezhentsam Pervoj mirovoj vojny (1914–1918 gody) // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istoriya, filologiya. 2011. T. 10. № 1.
- Pivovarchik S.* Tragediya Pervoj mirovoj vojny: «evrei-shpiony» (po materialam Natsional'nogo istoricheskogo arkhiva Belarusi v Grodno) // Mirovoj krizis 1914–1920 godov i sud'ba vostochnoevropskogo evrejstva. M., 2005.
- Poluarshinov A.V.* Pomoshch' obshchestvennykh organizatsij i naseleniya Zapadnoj Sibiri frontu i postradavshim ot vojny: iyul' 1914 - fevral' 1917 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. Omsk, 2005.
- Porshneva O.S.* Obespechenie obshchestvennykh interesov na lokal'nom urovne: Ural v gody Pervoj mirovoj vojny // Formirovanie sfery grazhdanskoj deyatel'nosti na Urale vtoroj poloviny XIX — nachala XX v.: sots. aspekt. Ekaterinburg, 2011.
- Ryazanskij I.V.* Tylovaya rossijskaya provintsiya v usloviyakh Pervoj Mirovoj vojny: Yuzhnyj Ural v iyule 1914 - fevrale 1917 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. Chelyabinsk, 2006.
- Sukhanova O.N.* Kaluzhskoe zemstvo v gody Pervoj mirovoj vojny: dis. ... kand. ist. nauk. Vladimir, 2012.
- Totsenko L.T.* Sotsial'naya pomoshch' bezhentsam v Oblasti vojska Donskogo v gody Pervoj mirovoj vojny // Izv. vysshikh ucheb. zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestven. nauki. 2003. № 2.
- Tumanova A.S.* Grazhdanskoe obshchestvo i ego adaptivnye vozmozhnosti v krizisnykh usloviyakh // Mater. XII Mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva. M., 2012. T. 2.
- Ul'yanova G.N.* Blagotvoritel'nost' v Rossijskoj imperii, XIX — nachalo KhKh veka. M., 2005.
- Utgof B.C.* Reevakuatsiya belorusskikh bezhentsev Pervoj mirovoj vojny (nachal'nyj etap): struktury, formy, organizatsiya // Istochnik. Istorik. Istoriya: sb. nauch. rabot. SPb., 2002.
- Utgof V.S.* Belorusskie bezhentsy Pervoj mirovoj vojny v 1914–1922 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2003.
- Fedulova A.V.* Obshchestvennoe prizrenie i blagotvoritel'nost' v Simbirskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX — nachale XX veka: dis. ... kand. ist. nauk. Ul'yanovsk, 2006.
- Khasin V.V.* Migratsionnye protsessy v Rossijskoj imperii v Pervuyu mirovuyu vojnu (po dokumentam Nizhnego Povolzh'ya): dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, 1999.
- Khitrov A.A.* Dom Romanovykh i rossijskaya blagotvoritel'nost'. Vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka (po materialam Sankt-Peterburga–Petrograda i Peterburgskoj–Petrogradskoj gubernii). Kaliningrad, 2004.

- Kholkvist P.* Vychislit', iz'yat' i istrebit': Statistika i politika naseleniya v poslednie gody tsarskoj imperii i v Sovetskoj Rossii // Gosudarstvo natsij: Imperiya i natsional'noe stroitel'stvo v epokhu Lenina i Stalina. M., 2011.
- Tsovyan D.G.* Deyatel'nost' gosudarstvennykh organov i obshchestvennykh organizatsij po okazaniyu pomoshchi bezhentsam v gody pervoj mirovoj vojny. 1914–1917 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. M., 2005.
- Shalda V.* Latyshskie bezhentsy v Rossii i revolyutsiya 1915–1921gg. // Rossiya i Baltiya: epokha peremen (1914–1924). M., 2002.
- Shevyrin V.M.* Zemskij i Gorodskoj soyuzy (1914–1917): Analiticheskij obzor. M., 2000.
- Shcherov I.P.* Migratsionnaya politika Rossii v 1914–1922 gg. Smolensk, 2000.
- Shcherov I.P.* Tsentroplenbez v Rossii: istoriya sozdaniya i deyatel'nosti v 1918–1922 gg. Smolensk, 2000.
- Shchetinina A.C.* Bezhentsy na yuge Zapadnoj Sibiri 1914–1923 gg.: istochniki i metody izucheniya: dis. ... kand. ist. nauk. Barnaul, 2007.
- Baron N.* New Spatial Histories of Twentieth Century Russia and the Soviet Union: Surveying the Landscape // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2007. № 55(3).
- Gatrell P.* Refugees in the Russian Empire, 1914–1917 // Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921. London; Sydney; Auckland, 1997.
- Gatrell P.* A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington, Indiana, 1999.
- Hagen von M.* The Great War and the Mobilization of Ethnicity in the Russian Empire: Conflict and State-Building // Post-Soviet Political Order. London, 1998.
- Hagen von M.* Review: Peter Gatrell. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I // Europe-Asia Studies. 2001. Vol. 53, № 1 (Jan.).
- Keep J.* Review: Peter Gatrell. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I // The English Historical Review. Vol. 115. № 463 (Sep., 2000).
- Kotsonis Y.* Review: Peter Gatrell. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I // Russian Review. 2002. Vol. 61, № 2 (Apr.).
- Lohr E.* The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // Russian Review. 2001. Vol. 60, № 3 (Jul.).
- Monas S.* Review: Peter Gatrell. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I // The History Teacher. 2001. Vol. 34, № 4 (Aug.).
- Rolf M.* Importing the «Spatial Turn» to Russia: Recent Studies on the Spatialization of Russian History // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2010. Vol. 11. (Spring).
- Sanborn J.* Review: Peter Gatrell. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I // The Journal of Modern History. 2001. Vol. 73, № 4 (Dec.).
- Sanborn J.* Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb, 2003.
- Sunderland W.* Review: Peter Gatrell. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I // International Migration Review. 2001. Vol. 35. № 3 (Autumn).
- Wade R.* Review: Peter Gatrell. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I // Slavic Review. 2001. Vol. 60, № 2 (Summer).
- Weeks T.* Review: Peter Gatrell. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I // The American Historical Review. 2000. Vol. 105, № 5 (Dec.).